

Рене Жирар, нигилизм постправды и эскалация насильственной неразличимости

СКОТТ КАУДЕЛЛ

Университет Чарльза Стерта, Канберра, Австралия,
scowdell@csu.edu.au

Ключевые слова: Рене Жирар; модерн; постправда; релятивизм; неразличимость; апокалипсис; устремление к крайности.

Ответ на совокупность актуальных геополитических угроз можно найти при помощи миметической теории Рене Жирара. Он объясняет порядок и стабильность человеческих обществ в свете катарсического насилия, которое удерживается в социально-религиозной форме и позволяет мирно контролировать желания и сдерживать насильственный беспорядок. Вызов этому механизму представлен в иудеохристианском откровении, которое предлагает ненасильственный альтернативный взгляд, но также и несет угрозу нестабильно-

сти, которая вернулась в современную эпоху — такое прозрение Жирар обнаруживает у Фридриха Ницше, Федора Достоевского и Карла фон Клаузевица. Фейковые новости, разного рода политический популизм и культурные войны, в которых западная гордыня сочетается с самобичеванием, а также климатический кризис и потенциальное устремление к крайности в современных военных конфликтах — во всех этих явлениях патологии миметического желания угрожают человечеству апокалиптическим исходом.

МИМЕТИЧЕСКАЯ теория Рене Жиара предлагает мощную объяснительную модель человеческого желания, катарсического насильственного обеспечения стабильного сосуществования посредством социально-религиозного договора и альтернативного формата умиротворения, который предлагается в иудеохристианском откровении. Это во всех отношениях дискуссионный подход. Он бросает вызов модернистской уверенности в нашей оригинальности и доброте, а также широко распространенному презрению к христианству и Церкви. В своих рассуждениях о современных угрозах Западу и остальному миру Жирар выступает не только как теоретик, но и как пророк. По мере того как дорогу себе прокладывает другая, *субстанциальная* версия священного, некогда поддерживавшее общественную стабильность *функциональное* священное утрачивает способность сдерживать насилие: за современной стабильностью скрывается дестабилизирующий элемент. Далее я опишу ключевые элементы теории Жиара, обращаясь к двум широким проблемным областям: это нигилистический отказ от правды и эскалация насильственной неразличимости.

В трясине релятивизма, фанатизма и нигилизма

В становление ситуации постправды вносят лепту многие факторы. В случае Брекзита вполне прогнозируемый набор экономических и практических потерь был проигнорирован ради популистского националистического мифа, скрытого под маской экономической рациональности. Что касается Соединенных Штатов, демонстративно погружившихся в культуру постправды, то история запрограммированного самообмана в этой культуре — более долгая. В книге «Страна фантазий» Курт Андерсон указывает на то, что во времена раннего модерна становление Америки было связано с мечтами о несуществующем Эльдorado и радикальными религиозными проектами, а также на ее последующую склонность к торгашеству и фундаментализму, на широко распростра-

Перевод с английского *Никиты Кутявина*.

ненное предпочтение принципа удовольствия принципу реальности — в этом отношении он подчеркивает ключевой вклад левых *woke*-интеллектуалов, которых считает «полезными идиотами»¹. Все это — составляющие того, что Андерсон называет американским «комплексом индустриальной фантазии». В завершение картины — социальные сети повсеместно замещают традиционные управляемые СМИ, приватизируя общественное достояние и вытесняя правду из поля зрения. Они создают разрозненные эхо-камеры непробиваемого невежества, а не то глобальное единство, в какое, по его словам, верил Марк Цукерберг. Британский политический теолог Адриан Пабст описывает идеального западного политика в этом «дивном новом мире» как человека, лишённого идей и предпочитающего дискуссиям точечные сообщения, основанные на компьютерных алгоритмах². И разумеется, территория постправды не ограничена странами НАТО, такими как Великобритания и США.

Часть проблемы заключена в культурных тревогах позднего модерна. Утрата авторитетного образа прошлого и понятного настоящего, а также ясного пути к достойному будущему делает нас жертвами как коварной ностальгии, так и поистрепанного футуризма. Мы находимся в ситуации, которую бывший архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс окрестил «темной ночью разума» и «темной ночью памяти»³. Истинным источником ситуации постправды, отрицающей существование чего-либо объективного и любого авторитета, мой коллега-жирардианец из Австралии Диего Буббио считает современный миф о личной автономии⁴.

Все аспекты нашей ситуации постправды — исторические и культурные, политические и экономические или психологические и философские — освещены в миметической теории Рене Жирара. Мимезис определяет то, как мы воспринимаем объекты нашего желания. Затем, если мы подвержены описанной Жи-

1. *Anderson K. Fantasyland: How America Went Haywire: A 500-Year History.* N.Y.: Random House, 2017.
2. *Pabst A. Democracy's Descent Into Demagogy: Prospects for Cultural Renewal in a Post-Truth Age*// ABC (Australia) Religion and Ethics. 09.05.2018. URL: <https://www.abc.net.au/religion/democracys-descent-into-demagogy-prospects-for-cultural-renewal-/10094756>.
3. *Williams R. Being Disciples: Essentials of the Christian Life.* L.: SPCK, 2016. P. 25-26, 27-28.
4. *Bubbio P. D. Intellectual Sacrifice and Other Mimetic Paradoxes.* East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2018. P. 53-56.

раром «онтологической болезни», укорененной в образце нашего желания и подталкивающей к *ресентименту*, то истина о нашем состоянии и наша озабоченность возможными жертвами искажаются еще больше. Вырваться из этой миметической паутины соперничества, прибегая к разуму, невозможно⁵. Вместо этого единственным жирардианским путем избавления от сегодняшней болезни постправды является, перефразируя Буббио, попытка кропотливой герменевтической дифференциации различных версий логоса⁶.

Что касается мимезиса и восприятия, в своей первой книге Жирар раскрывает, как мы видим мир в свете образца — медиатора, направляющего и усиливающего наше желание. В интервью 1978 года по поводу романа, который, как позже сказал Жирар, мог войти в число материалов для книги «Ложь романтизма и правда романа», он заявил следующее:

В некоторых произведениях XX века, особенно в «Волнах» Вирджинии Вулф, даже восприятие обычных объектов определяется реальным присутствием «более трансцендентного» Другого в непосредственной близости от воспринимающего⁷.

Это отсылает нас к тому, что можно было бы назвать миметической феноменологией, ведущей, по мнению Жирара, ко

... все возрастающей «паранойе» западной личности — паранойе, которая непосредственно выражается в желании и [все же] неспособности феноменологического субъекта положить в основание всего мира собственное индивидуальное восприятие⁸.

Эти впадение в неразличимость, миметическое двойничество и нигилизм Жирар обнаружил в великой литературе модерного Запада. На раннем примере из шекспировской пьесы «Троил и Крессида» он наблюдает крах того, что считает ложным священным иерархическим порядком домодерного мира:

Забыв почтенье, мы ослабим струны —
И сразу дисгармония возникнет.
Давно бы тяжко дышащие волны

5. Ibid. P. 81.

6. Ibid. P. 59.

7. Girard R., Bassoff B. Interview with René Girard // Denver Quarterly. Summer 1978. Vol. 13. № 2. P. 29.

8. Ibidem.

Пожрали сушу, если б только сила
Давала право власти...⁹

Эта тенденция определяет и спорное равенство американской демократии, как она впервые была описана в «Демократии в Америке» Алексиса де Токвиля — «посла» Франции в молодой американской республике.¹⁰ Жирар также обнаружил ее в апокалиптических тенденциях безудержного миметического соперничества, исследованного Федором Достоевским в «Записках из подполья»:

Нигилизм является источником всех идеологий, поскольку он источник всех разделений и всех подпольных оппозиций¹¹.

Позднее, в «Вещах, сокрытых от создания мира», Жирар окрестил этот нигилизм «кафкианским избеганием всякого смысла». По мнению Жирара, это

... некий когнитивный нигилизм, к которому ведут все современные направления мысли. Это панический отказ хоть краем глаза взглянуть в ту сторону, откуда мог бы еще прийти смысл¹².

Онтологическая болезнь, которая неизменно сопровождается нарциссизмом и ресентиментом, лежит в основе феноменов постправды, начиная с предполагаемых и реальных фейковых новостей и заканчивая тем, что советница Дональда Трампа Киллиан Конвей обозначила как «альтернативные факты». И речь идет о чем-то большем, нежели просто влияние Трампа, — хотя этому бессовестному лжецу и пропагандисту и поставили правдоподобный диагноз нарциссического расстройства личности на основании стандартного для таких людей набора из отрицания, рационализации, самовозвеличивания, перекалывания вины, самолюбия, переживания своего избранничества и еще параноидальной тревожности. Любой, кому приходилось

9. Ibid. P. 35. Цит. в переводе Т. Г. Гнедича (акт I, сцена 3). См. также: *Жирар Р.* Театр зависти. Уильям Шекспир. М.: ББИ, 2021. С. 167–186.

10. Начиная с: *Он же.* Ложь романтизма и правда романа. М.: НЛО, 2019. С. 152–153.

11. *Он же.* Достоевский. От двойника к единству // *Он же.* Критика из подполья. М.: НЛО, 2012. С. 102.

12. *Он же.* Вещи, сокрытые от создания мира. М.: ББИ, 2016. С. 307–308.

работать с нарциссом, знает, что правда — одна из первых его жертв. В своем эссе об антигерое Жирар обнаруживает корни такой гордыни, ведущей к обману себя и других, в подспудном чувстве стыда и, следовательно, в воинственном противостоянии образу-препятствию, которым тайно одержим антигерой¹³. Тем не менее это миметическое состояние поражает не только людей с определенными личностными расстройствами: это также и коллективная реальность, распространенная среди всех наций, учреждений, предприятий и церквей¹⁴.

Та же динамика миметического соперничества прослеживается и во все возрастающей радикализации современной философии, проанализированной в жираровских терминах Стивенем Гарднером¹⁵. По словам австралийского искусствоведа Себастьяна Сми, такое соперничество лежит и в основе развития современной живописи¹⁶. Таким образом, истине приходится бороться с соперничеством и resentmentом также в сферах идей и творчества.

Буббио описывает такую миметическую западню со ссылкой на «подполье» Достоевского¹⁷. Он сетует:

Даже философия и религия, как и все другие соперники, преграждают друг другу путь «в достаточной мере», чтобы взаимно препятствовать доступу к истине; именно это порождает когнитивный нигилизм, «кастрацию смысла»¹⁸.

Например, скептицизм, характерный для нашего состояния постправды, связан не столько с оправданной интеллектуальной скрупулезностью, сколько с «самопоглощающим разочарованием, которое ищет всепоглощающей мести», как отмечает Стэнли Ка-

13. *Girard R. Bastards and the Antihero in Sartre // Idem. Mimesis and Theory: Essays on Literature and Criticism, 1953–2005. Stanford: Stanford University Press, 2008. P. 134–159.*

14. См. сравнительную таблицу, в которой перечислены диагностические критерии для частных лиц и организаций, в: *Brown A. Narcissism, Identity, and Legitimacy // Academy of Management Review. 1997. Vol. 22. № 3. P. 652–653.*

15. *Gardner S. Myths of Freedom: Equality, Modern Thought, and Philosophical Radicalism. Westport, CT: Greenwood Press, 1998.*

16. *Sme S. The Art of Rivalry: Four Friendships, Betrayals, and Breakthroughs in Modern Art. N.Y.: Random House, 2016.*

17. *Bubbio P.D. Op. cit. P. 59.*

18. *Ibid. P. 55.*

велл¹⁹. На это укажет и любая беспристрастная оценка гневных тирад Ричарда Докинза или Трампа.

Это также тот случай, когда нашему современному стремлению ко все большей дифференциации потрафляет потребительская культура, которая направляет наши желания таким образом, чтобы отклонять и рассеивать эскалацию соперничества. Чтобы развлекаться и отличаться друг от друга, у нас есть широкий спектр модных стилей и целая палитра боди-арта, а из ультраправых блогов и соцсетей с их фантастическим миром теорий заговора можно почерпнуть множество навязчивых идей. На этом готовом рынке фейковых новостей не имеет значения, что некоторые взгляды вообще-то логически несовместимы, и маловероятно, чтобы чье-либо мнение могло измениться под влиянием чего-то столь скучного, как непроверяемые доказательства.

Согласно миметической теории Жирара, в основе того, что означает истина и что она не должна означать, лежит механизм козла отпущения, породивший двуединство религии и культуры. В архаических культурах устойчивая, надежная, разумная и естественная реальность требует мифологического сокрытия учредительного насилия. Но с иудеохристианским откровением приходит более надежный доступ к истине, совершается переход к более гуманной версии жертвоприношения как самопожертвования, а не группового заклания, а следовательно, возникает возможность продумать и организовать человеческие дела на новом основании. Однако Жирар предупреждает, что в наше время мифология возвращается с обновленным вкусом к поиску козлов отпущения. Он выделяет «феномен ритуализированного коллективного переноса», умножающий

... козлов отпущения... всюду там, где группы людей пытаются скрыться внутри определенной идентичности — общинной, локальной, национальной, идеологической, расовой, религиозной и т. д.²⁰

На нелетальном уровне это разыгрывается в сегодняшних культурных войнах, когда эмоционально-заряженные и ригидные

19. *Cavell S. Disowning Knowledge in Six Plays of Shakespeare. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 5–6 (цит. по: McKenna A. Violence and Difference: Girard, Derrida, and Deconstruction. Chicago: University of Chicago Press, 2002. P. 43).*

20. *Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: ББИ, 2015. С. 167.*

идеологи ведут между собой диалог таким образом, что выявить правду становится невозможно. Адриан Пабст в своем анализе этой тенденции приближается к открытиям миметической теории вплотную²¹. Всякий раз, когда радикальный демарш новых идей сталкивается с установленными истинами, которыми дорожит элита, быстро появляются неумолимо соперничающие зеркальные двойники этих идей, и возникает ситуация постправды. На место критического анализа приходят паника и взаимная демонизация, а непререкаемый авторитет провозглашается на основе статуса жертвы — поскольку, как и предупреждал Жирар, сегодня быть жертвой — это единственная позиция, с которой дозволено быть гонителем для других²².

Итак, что же делать? Как заключает Роберто Фарнети в своей книге «Миметическая политика» относительно взаимоотношающихся бинарных элементов,

... жирардианская точка зрения на разрешение конфликтов должна... быть направлена на то, чтобы заставить соперников рефлексивно осознать свое миметическое положение²³.

С христианской точки зрения это, безусловно, связано с предупреждением Иисуса против осуждения других (Мф 7:1–3).

Ответ на поглощение истины миметическим соперничеством, нарциссизмом и ресентиментом мы найдем, безусловно, не в том, чтобы сдать на милость релятивизма. Ключевой вопрос здесь заключается в том, каким образом релятивизм или равнодушие к истине могут служить прикрытием для гонителей. Как указывает Буббио, это ставит правду жертвы на один уровень с правдой гонителей. Когнитивный нигилизм и отрицание истины он называет «философией молчания»; это

... абсолютное изгнание, то есть ситуация, в которой жертва не оставляет после себя никаких документов, которые могли бы донести ее правдивый взгляд на вещи²⁴.

21. *Pabst A.* Op. cit. P. 1–2.

22. См.: *Жирар Р.* Я вижу Сатану, падающего, как молния. С. 168–173.

23. *Farneti R.* *Mimetic Politics: Dyadic Patterns in Global Politics.* East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2015. P. 89.

24. *Bubbio P. D.* Op. cit. P. 54.

Следовательно, по Буббио, «релятивизм можно считать последним пережитком священного в... западной культуре»²⁵, так что

...низведение всех притязаний на истину на один уровень в интересах «уважения к различиям» в итоге узаконивает линчевание невинных²⁶.

Для самого Жирара, в противоположность истине о жертве, которую твердо отстаивает Иов в Ветхом Завете,

...любая притворная *бесстрастность*, будь то стоическая, философская или научная, увековечивает *статус-кво*, продлевает сокрытие козла отпущения и превращает нас в активных сообщников гонителей.

Он заключает, что «истинная наука о человеке не может быть безразличной»²⁷.

У этого взгляда есть страстный защитник в лице жирардианского философа Эндрю Маккенны, которого стоит процитировать:

Гипотеза жертвы — это противоядие, настоящее лекарство от когнитивного нигилизма, который в последнее время соблазнил как теологов и философов, так и литературных критиков... Это не означает, что стремление к истине невосприимчиво к миметическому конфликту; оно так же легко может стать объектом желания... как и все остальное. Об этом свидетельствуют все наши инквизиции, священные и (якобы) мирские. Мы осуждаем их во имя жертв, наряду с... подменой правды, которая порождает жертв. Поступая таким образом, мы неявно принимаем гипотезу жертвы как критерий истины... Таким образом, это реальная история, выдержавшая испытание деконструкцией²⁸.

Такой подход к истине разоблачает множество соперничающих убеждений. И для Буббио это вытекает «не из абсолютного релятивизма, а из всеобъемлющей герменевтики смысла»²⁹. Итальянский философ и сочувствующий собеседник Жирара Джанни Ваттимо описывает этот отход от всеобъемлющей идеоло-

25. Ibid. P. 135.

26. Ibid. P. 52.

27. Girard R. Job the Victim of His People / Y. Freccero (trans.). Stanford: Stanford University Press, 1987. P. 107.

28. McKenna A. Op. cit. P. 135.

29. Bubbio P.D. Op. cit. P. 91.

гической истины как «переход от истины к милосердию»³⁰. Он призывает к ослаблению этой сопернической структуры истины в своей программе «герменевтического коммунизма». Она *герменевтична*, ибо представляет собой критическую теорию в применении к сегодняшнему консервативному союзу метафизики и онтологии; это *коммунизм*, поскольку со слабыми больше нельзя обращаться как с неизбежными отбросами капиталистической истории успеха³¹.

Жиран кажется вполне созвучным Ваттимо, когда упоминает

...общество, которое будет открытым, которое не сколлапсирует в миметической истерии, но спасет себя через нечто, что не будет жертвоприношением, исключением, остракизмом; общество, у которого не будет *внешнего*³².

В этом обществе не возникнут миметические двойники фанатичной уверенности в истине и воинствующего релятивизма; вместо этого *появится истина*, которая сможет похвастаться свободой от идеологической апроприации и запутанности. Но кому в наши дни это нужно? Многие, кажется, предпочитают состояние забвения, описанное британской поэтессой Барбарой Эверетт:

Он был благодарен
Иллюзиям, поддерживавшим его
Стабильно, всю жизнь,

Как клетка с соломой
Хранит жизнь животного
Долгой зимой³³.

В трясине эскалации насильственной неразличимости

В случае непринятия альтернативы в виде жертвенной жизни Иисуса лишенное жертвенных гарантий будущее станет буду-

30. Vattimo G., Girard R. Christianity, Truth, and Weakening Faith: A Dialogue / P. Antonello (ed.), W. McCuaig (trans.). N.Y.: Columbia University Press, 2010. P. 39.

31. См.: Vattimo G., Zabala S. Hermeneutic Communism: From Heidegger to Marx. N.Y.: Columbia University Press, 2011.

32. Girard R., Bassoff B. Op. cit. P. 38.

33. Everett B. Gratitude, From Six Poems // London Review of Books. 04.05.2017. Vol. 39. № 9. P. 36.

щим апокалиптическим — хотя это и будет делом рук человеческих, а не Божьих. Жиран рассматривает нашу секулярную современность одновременно как плод откровения и родовые муки апокалипсиса. По его объяснению, «когда я говорю, что современность апокалиптична, я имею в виду, что она связана с откровением»³⁴. Но и эта тема отнюдь не нова. Хотя его последняя, исполненная тревоги книга под названием «Завершить Клаузевица» и несет в себе много новых и важных прозрений, ее нужно рассматривать как часть более широкой картины, представленной у Жирана.

С самого начала Жиран рассматривал современность как новый этап в миметической истории человечества, отмеченный той возросшей склонностью к соперничеству, которую он назвал «внутренней медиацией». С упадком иерархических обществ и становлением демократической конкуренции между равными индивидами на современных западных людей оказывалось давление, чтобы они избегали внутренней медиации и стремились к большей самобытности. Однако этого следует достигать, обретая доступ к «бытию» успешных образцов — то есть желая того, чего желают они. Затем Жиран наметил нисходящую спираль горделивой одержимости подражанием, когда эти образцы становятся соперниками, а затем и миметическими двойниками. Это приводит к романтическому жертвоприношению, поскольку субъекты бросаются на свои образцы-препятствия в извращенном стремлении утвердить высшее бытие этих последних. Садомазохистский мир «подполья» и онтологической болезни Достоевского, который Жиран также называл «апокалипсисом Достоевского», продемонстрировал его раннее понимание современности как апокалиптической.

Далее Жиран раскрыл, почему влияние жертвы Христа ведет как к более гуманной современности, так и к ее апокалиптической тени. Иудеохристианское откровение обнажило и подорвало основы культуры, которые возникли из поиска козлов отпущения и поддерживались ложносвященным техническим аппаратом того, что Дюркгейм назвал бы «функциональной религией». Эти интуитивные открытия Жирана, которые еще не были полностью осмыслены теоретически, означали, что жестокие и закрытые миры древности были «вскрыты» для нового опыта равенства и однородности, — а следовательно, и для

34. Girard R., Bertonneau T. The Logic of the Undecidable: An Interview with René Girard // Paroles Gelées-UCLA French Studies. 1987. Vol. 5. № 1. P. 13.

потенциально безудержного конфликта и нестабильности. Во Фридрихе Ницше Жирар усматривал одновременно пророчка и возмездие за это развитие, поскольку в постхристианскую эпоху тот стремился восстановить ложное священное — языческое и дионисийское. Ницше углубляет апокалипсис Достоевского, делая его метафизическим. По мнению Жирара, прозрение Карла фон Клаузевица относительно того, что современной войне присуще устремление к крайности, превратилось у Ницше в метафизику³⁵.

Жирар пришел к взгляду на современный мир как на смещенную реальность. Он представляет собой культурный отблеск иудеохристианского откровения, в рамках которого иссякает жертвенный импульс. В самом деле, в беспрецедентной современной заботе о жертвах, которую Жирар осмелился назвать «Царством Божиим, растущим втайне» (Мк 4:26–29), все архаические священные социальные предохранители, направлявшие насилие против жертвы, разоблачаются и подрываются. Это благословение, которое, однако, несет с собой призрак апокалипсиса, ибо знаменует возвращение ложного священного³⁶. Жирар считал, что оно возвращается тайком — под прикрытием христианства и его современного гуманистического наследия. Так, например, мы видим возобновившийся аппетит к преследованию жертв, хотя сегодня таких нужно выбирать из числа гонителей, чтобы современные люди чувствовали себя вправе их преследовать³⁷. Эта распространенная одержимость заботой о жертвах, соседствующая на Западе с самоодвольной политкорректностью, которая преследует новых жертв и ловко превращает в них реальных или воображаемых гонителей, описана жирардианским мыслителем Стивеном Гарднером как «занимавшая круговую оборону расстрельная команда современной виктимологии» и интерпретируется у него как дух архаического религиозного жертвоприношения, предстающий в новом обличье³⁸.

35. Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа. С. 308; *Он же*. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М.: ББИ, 2019. С. 140–141.

36. См.: Girard R. et al. Evolution and Conversion: Dialogues on the Origins of Culture. L.: Continuum, 2007. P. 258, 235.

37. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. С. 169–173; Girard R. The One by Whom Scandal Comes / M. B. DeBevoise (trans.). East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2014. P. 73.

38. Gardner S. Modernity as Revelation. René Girard's Imagination of the Worst // Journal of Religion and Violence. 2013. Vol. 1. № 2. P. 239.

Эта почти универсальная завеса жертвенности — важный пример неразличимости. Следовательно, в зарождающейся глобальной монокультуре будет важно восстановить различие везде, где возможно, и здесь Жиран приходит к еще одной мысли. Секулярная современность до сих пор сохраняла достаточную способность к различению благодаря потребительскому капитализму, поскольку широкий выбор рыночных ниш и товаров массового производства служит ослаблению миметического соперничества. Современный Запад, движимый рыночной экономикой, описывается Жираном как первая цивилизация, сумевшая использовать миметическое соперничество в позитивном ключе³⁹. И все же, какой бы мирной ни казалась эта современная культура индивидуализма и различения, он объявляет ее основанной на иллюзии. Вопреки панацеям популярного левого дискурса, мы боимся не различия и инаковости, а скорее более глубокой неразличимости, которая скрывается как за нашим очевидным страхом перед Другим, так и за тем, сколь настойчиво мы сегодня прославляем «разнообразие» (*diversity*). По мнению Жираныра, именно по этой причине в наши дни повсеместно прославляется местная самобытность (кухни, ремесленные традиции и т. д.), — хотя такая самобытность часто имеет мало отношения к традициям и выдумывается ради сопротивления глобальной гомогенизации⁴⁰.

На межличностном уровне сегодняшняя широко известная ненависть к западному конформизму с сопутствующим ей стремлением максимизировать индивидуальные отличия скрывает за собой неприятное осознание того, что мы все на самом деле очень склонны к подражанию⁴¹. Для Жираныра в этом упадке сильного желания, очевидном сегодня на Западе, есть нечто ироничное. Он связывает его с истощением миметического импульса и, например, пронизательно описывает сегодняшнее широко распространенное обращение Запада к интернет-порнографии как следствие этого последнего и невыразимого табу: нехватки у нас желания⁴². Так что когда Жиран обсуждает секулярную современность, ему недостаточно сосредоточиться исключительно на усилении ею миметического конфликта:

39. Girard R. et al. Evolution and Conversion. P. 242.

40. Girard R. When These Things Begin: Conversations with Michel Treguer / T. C. Merrill (trans.). East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2014. P. 57, 72.

41. Idem. The One by Whom Scandal Comes. P. 7.

42. Idem. When These Things Begin. P. 87.

Я думаю, что современное описание феноменологии миметического желания должно диалектизировать двойственность между миметическим конфликтом и ослаблением миметического желания. Это также и трактовка Жана-Мишеля Угурляна; то есть современные люди недостаточно сильны, чтобы иметь миметическое желание. Они ничем не увлечены. Раньше я считал, что этого никогда не произойдет, но теперь я более открыт для этого. Общество потребления, придуманное частично для того, чтобы справиться с миметическим агрессивным поведением, со временем создало этих социально индифферентных людей, неспособных общаться друг с другом и занятых главным образом тем, что в их жизни является строго подотчетным, в смысле личного интереса. Это радикальная форма нигилизма⁴³.

Помимо ощутимого присутствия этой неразличимости в широко распространенном чувстве индивидуальной потерянности и апатии, она проявляется также в геополитическом плане. Сегодняшние фундаментальные глобальные противостояния лучше рассматривать как гражданские войны внутри единой, все более недифференцированной глобальной монокультуры⁴⁴. Например, сегодняшнюю ненависть воинствующих исламистов к Западу (ранее такую точку сплочения для недовольных давал коммунизм)⁴⁵ Жирар понимает не как «столкновение цивилизаций», не как соперничество с Западом на основе отличий и инаковости. Напротив,

...они вовсе не отворачиваются от Запада, они не могут удержаться от подражания ему, от принятия его ценностей, не признаваясь в этом себе. Они не менее, чем мы, поглощены идеологией индивидуального и коллективного успеха.

Идеал соперничества, который наш пример навязывает всей планете, не может сделать нас победителями без необъяснимо

43. Girard R. *et al.* Evolution and Conversion. P. 251. См. исследование этой «миметической истощенности» или «истощения мимезиса» в: Girard R. Conversion in Literature and Christianity // Idem. Mimesis and Theory. P. 263–273, особенно p. 264–265, 270. Он также считает, что героя Достоевского Ставрогина «мучает *acedia*». См.: Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа. С. 197.

44. Girard R. When These Things Begin. P. 83.

45. См.: Girard R., Tincq H. René Girard — Le Monde Interview. “What Is Occurring Today is Mimetic Rivalry on a Planetary Scale” // Colloquium on Violence & Religion (COV&R). 06.11.2011. URL: https://www.uibk.ac.at/theol/cover/girard/le_monde_interview.html.

многих побежденных, необъяснимо многих жертв. Неудивительно поэтому, что эта идеология должна вызывать среди побежденных реакцию, которая сильно отличается от той, которую она вызывает среди самих завоевателей.

Прежде всего, это порождает горячую решимость полностью разрушить огромную машину конкуренции, в которую превратились Соединенные Штаты, за которыми вплотную следуют все другие страны Запада, — источник огромного личного и национального унижения⁴⁶.

Может также показаться, что в возрождающемся увлечении примитивизмом и недавнем мультикультурном энтузиазме проявляется еще одна одержимость современного Запада различием. Но в каждом случае, когда Запад неискренне принижает себя вместо того, чтобы признать самонадеянную гордыню, проявляющуюся в его корыстном поиске виновных среди более слабых обществ, Жирар видит работу «ложного сознания»⁴⁷. Эту колеблющуюся историю современного западного самобичевания, за которым следует самовозвеличивание по отношению к древности, он прослеживает начиная с эпохи Возрождения.

Мы наблюдаем, как эта характерная для Запада колонизаторская надменность то и дело уступает место противоположным эксцессам романтизма, опирающимся на концепцию «благородного дикаря» у Руссо. Последнее очевидно, например, в сегодняшнем возвышении мультикультурализма над более традиционными западными идентичностями. То, как Запад мечется между высокомерием и самоотречением, Жирар рассматривал как хитрость для поддержания достаточной различности между Западом и остальными — в данном случае за счет возможности обвинить во всем насилии одну или другую сторону. Либо мы видим себя цивилизующими жестоких первобытных людей с позиции культурного превосходства, либо сожалеем о том, что Запад подвергает невинных первобытных людей гнусному насилию. Однако ни в том, ни в другом случае мы не признаем своего родства с первобытностью в плане насилия. Здесь главный отправной пункт Жирара — влиятельное

46. Girard R. *The One by Whom Scandal Comes*. P. 8.

47. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. С. 174; Girard R. *When These Things Begin*. P. 63; *Idem*. *The One by Whom Scandal Comes*. P. 28–29.

в колониальную эпоху осознание своего культурного превосходства, очевидное в такой обширной классической работе XIX века по антропологии, как «Золотая ветвь» Джеймса Джорджа Фрэзера, по сравнению с сегодняшним отрицанием этого превосходства в характерном для образованного Запада культурном релятивизме.

За этими явно диаметрально противоположными позициями скрывается простой, хотя и неприятный факт нашего сходства с первобытными культурами — отсутствие различий, которое современный Запад всегда стремился отрицать:

Современные мультикультуралисты сумели увидеть то, что упустил Фрэзер... и в этом отношении, по крайней мере, нужно отдать им должное. Они не ошибаются насчет мира, в котором мы живем: он действительно полон более или менее скрытых жертв. Увы, наши молодые иконоборцы приобрели эту пронизательность ценой слепоты, противоположной слепоте Фрэзера. Они не видят, что в архаическом мире был тот же тип жертвы, тот же козел отпущения... Таким образом, новейшая фаза чередования западничества и примитивизма скрыла главное — универсальность насилия. Избирательная слепота в одной из двух форм затмила тот факт, что все культуры и все люди без исключения участвуют в насилии; что насилие — это то, что структурирует наше коллективное чувство принадлежности и нашу личную идентичность⁴⁸.

Факт возрождения первобытного насилия в нашем современном мире подтверждает выводы Жирара. Стремление Ницше к насильственному дионисийству, противостоящему иудеохристианской защите жертв, он считает пророческим в отношении того, что должно было прийти с нацизмом: организованная попытка похоронить нашу современную заботу о жертвах под миллионами трупов⁴⁹. Точно так же Жирар обнаруживает возрождающийся дионисийский дух в политических попытках левых обойти христианство и перехватить у него инициативу в сфере социальной заботы — например, в сегодняшней воинственной секуляристской защите прав жертв, которая горячо заявляет о своем превосходстве над деятельностью дискредитированной и не заслуживающей доверия Церкви. В оценке этого хода Жирар беспощаден:

48. См.: Ibid. P. 31.

49. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. С. 184.

На символическом языке Нового Завета можно сказать, что Сатана в новых попытках утвердить свое положение в нашем мире заимствует у него язык жертв. Он все лучше и лучше имитирует Христа и претендует превзойти его.

Эта хищническая имитация уже долгое время присутствует в христианизированном мире, но в нашу эпоху она набирает особую силу. Именно этот процесс в Новом Завете описывается термином *Антихрист*. Чтобы понять его, сначала нужно снять с него налет драматизма, поскольку он соответствует некоторой вполне повседневной, прозаической реальности.

Антихрист льстит себя надеждой принести людям мир и терпимость, которые христианство только провозглашает, но не дает. В действительности радикализация современной виктимологии влечет за собой эффективный возврат ко всевозможным языческим обычаям — абортam, эвтаназии, сексуальной индифферентности, изобилию цирковых игрищ, но на сей раз, благодаря электронным симуляторам, без кровопролития.

Неоязычество стремится представить Декалог и всю иудео-христианскую мораль как недопустимое насилие, и их отмена — главнейшая из его задач. <...>

Поскольку христианские церкви очень поздно осознали, что им недостает любви, что они потворствуют существующему порядку, который всегда имел характер «жертвоприношения», они исключительно уязвимы для шантажа, которому современное неоязычество их постоянно подвергает⁵⁰.

Еще один пример нам подсказывает само название книги «Завершить Клаузевица». Этот опыт по «завершению Клаузевица» со стороны Жирара, который ранее стремился «завершить» и Дюркгейма, и Фрейда, заключается в том, чтобы взять в источнике зародыш миметической идеи и проследить его до логического завершения. В данном случае Жирар выявил динамику архаичного насилия, которое безудержно возвращается в наш современный мир со времен Наполеона и прихода тотальной войны.

Вместо управляемой правилами «джентльменской» войны сегодня мы видим массовую мобилизацию и гибель огромного количества гражданских лиц. Теперь, когда война утратила свою жертвенную эффективность для восстановления мира (особенно после 1960-х годов, как отметил Жирар в другом месте), ничто не может остановить то, что он называет «устрем-

50. Там же. С. 189–190.

лением к крайности»⁵¹. По словам Жирана, массовые убийства мирных жителей, которые участились после югославских войн 1990-х годов, представляют собой жертвенные неудачи нашей глобальной эпохи, поскольку массовые жертвы больше не имеют никакой силы для примирения. Война как предполагаемый инструмент трезвого государственного управления на наших глазах уступает место повсеместному господству всеобщей жажды крови.

На этот сдвиг обратил внимание Клаузевиц в первой главе своего классического трактата 1832 года «О войне», посвященного военной стратегии. Но впоследствии, как известно, он отказался от этого и настаивал, что война все еще может быть продолжением политики другими средствами⁵². Жирар прослеживает альтернативную историю взаимно определяющего миметического двойничества между наполеоновской Францией и Германией, Германией и большевизмом, а также между нацизмом и сталинизмом; затем последовала холодная война⁵³. Далее он предсказывает глобальный конфликт между американской и китайской версиями единой капиталистической монокультуры⁵⁴. Эта миметическая эскалация для Жирана стала главной движущей силой современной истории, которая также характеризует конфликты конца XX века на Балканах, в Руанде, на Ближнем Востоке и на Индийском субконтиненте. Как заключает Жирар:

...от Наполеона до Бен Ладена: наступление и оборона оказались возведены в ранг единственного двигателя истории⁵⁵.

Отголоски этого миметического конфликта Жирар обнаруживает и в яростном соперничестве современных западных обществ с окружающей средой. «Глобальное потепление и рост насилия — явления, безусловно, взаимосвязанные», — утверждает он, добавляя, что

...склонен со всей силой настаивать на этом смещении естественного с искусственным потому, что об этом ясно говорят апокалиптические тексты⁵⁶.

51. *Girard R.* The One by Whom Scandal Comes. P. 84.

52. *Жиран Р.* Завершить Клаузевица. С. 38.

53. Там же. С. 37.

54. Там же. С. 42, 70.

55. Там же. С. 39.

56. Там же. С. 299.

Что он имеет в виду? Думаю, дело в том, что мы включили мир природы в мир людей, присоединили его к себе и поглотили природу как ресурс для нашего проекта самосозидания — так же, как произвольно обозначили других участников того же процесса как конкурентов.

Однако за этим скрывается страх, что все структуры различия и превосходства, за которые мы цепляемся, на самом деле фальшивые и ненадежные, и что по сути мы одинаковы. И этот страх распространяется на саму планету: мы боимся, что наше господство над Землей — это иллюзия; что мы хрупкие существа в чувствительной природной экосистеме, и наша судьба связана со взлетами и падениями состояния окружающей среды. Следовательно, то же *обращение*, которое ведет нас к взаимному уважению вместо того, чтобы настаивать на отличиях, чтобы мы могли чувствовать себя оправданными в боязни и преследовании тех, кого нам удобно классифицировать как Других, — теперь это обращение должно распространяться также и на наши отношения с окружающей средой. Без таких прорывов Жирар предвидит только апокалипсис, созданный нами самими, — перспективу, которую раннее христианство предвидело в книге Откровения: там зашифровано ощущение, что посланию Иисуса не будет позволено изменить мир в достаточной степени, чтобы спасти его от собственного насилия⁵⁷.

В кратком эпилоге к «Завершить Клаузевица» Жирар пытается осмыслить насилие в современном исламе. После террористической атаки 11 сентября 2001 года на нью-йоркские башни-близнецы и Пентагон Жирар рассматривал этот вопрос фрагментарно, главным образом в интервью⁵⁸. Его выводы в эпилоге двояки. Во-первых, радикальный ислам — это альтернативная версия современности, а не альтернатива современности. То, что мы наблюдаем, — это гражданская война внутри одной глобальной цивилизации, а не «столкновение цивилизаций». Его второй вывод более осторожен: Жирар предполагает, что ислам так полностью и не освободился от наследия архаичного насилия, и это развязывает руки тем, кто желает отступить от многочисленных учений Корана о милосердии и сдерживании насилия⁵⁹.

57. Там же. С. 2.

58. См. ключевое интервью в: *Girard R., Tincq H. Op. cit.*

59. См.: *Cowdell S. René Girard and Secular Modernity. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2013. Ch. 5: War, Terror, Apocalypse.*

Несмотря на все эти обостренные апокалиптические страхи, Жирар не отказался от своей прежней уверенности в том, что в истории осуществляется Божий промысел: он слишком августинианец, чтобы быть детерминистом или пораженцем. Вместо этого Жирар сохраняет открытый взгляд на историю⁶⁰ и чувствует, что культурное влияние иудеохристианского откровения не исчерпано:

Я думаю, что мы должны изучить нашу историю и попытаться увидеть, не скрываются ли за тем, что уже произошло, дополнительные пласты феноменов, ожидающих своего раскрытия; не будут ли процветать некоторые аспекты жизни, которые раньше были ограничены старой системой жертвоприношений — другие области знания, другие способы жизни. Все, что Страсти [Христовы] высвободили в культурной сфере, вполне может быть прологом для открытий, необычайного обогащения чувств. Я уверен, что это так⁶¹.

Жирар ясно дает понять, что Бог во Христе заинтересован не в сохранении мира таким, какой он есть, а в том, каким мир может стать через покаяние и веру⁶². Это то, что англиканская литургия, следуя посланию к Филиппийцам (Флп 4:7), называет «миром Божьим, который превыше всякого ума», — в отличие от мира ложного священного, который Жирар помог нам слишком хорошо узнать. Здесь, как указывает Джеймс Алисон, проводится принципиальное различие между «дурной вестью» об апокалипсисе, который будет делом рук человечества, и «благой вестью» эсхатологии, которая является делом рук Божьих⁶³.

Библиография

Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира. М.: ББИ, 2016.

Жирар Р. Достоевский. От двойника к единству // Он же. Критика из подполья. М.: НЛО, 2012. С. 42–133.

Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон. М.: ББИ, 2019.

Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа. М.: НЛО, 2019.

60. Girard R. When These Things Begin. P. 82.

61. *Idem*. The One by Whom Scandal Comes. P. 72–73.

62. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. С. 195.

63. См. в: Alison J. Raising Abel: The Recovery of the Eschatological Imagination. 2nd ed. L.: SPCK, 2010. P. 199–209.

- Жи́рар Р. Театр зависти. Уильям Шекспир. М.: ББИ, 2021.
- Жи́рар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: ББИ, 2015.
- Alison J. Raising Abel: The Recovery of the Eschatological Imagination. 2nd ed. L.: SPCK, 2010.
- Anderson K. Fantasyland: How America Went Haywire: A 500-Year History. N.Y.: Random House, 2017.
- Brown A. Narcissism, Identity, and Legitimacy // *Academy of Management Review*. 1997. Vol. 22. № 3. P. 643-686.
- Bubbio P. D. Intellectual Sacrifice and Other Mimetic Paradoxes. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2018.
- Cavell S. Disowning Knowledge in Six Plays of Shakespeare. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Cowdell S. René Girard and Secular Modernity. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2013.
- Everett B. Gratitude, From Six Poems // *London Review of Books*. 04.05.2017. Vol. 39. № 9. P. 36.
- Farneti R. Mimetic Politics: Dyadic Patterns in Global Politics. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2015.
- Gardner S. Modernity as Revelation. René Girard's Imagination of the Worst // *Journal of Religion and Violence*. 2013. Vol. 1. № 2. P. 234-254.
- Gardner S. Myths of Freedom: Equality, Modern Thought, and Philosophical Radicalism. Westport, CT: Greenwood Press, 1998.
- Girard R. Bastards and the Antihero in Sartre // *Idem. Mimesis and Theory: Essays on Literature and Criticism, 1953-2005*. Stanford: Stanford University Press, 2008. P. 134-159.
- Girard R. Conversion in Literature and Christianity // *Idem. Mimesis and Theory: Essays on Literature and Criticism, 1953-2005*. Stanford: Stanford University Press, 2008. P. 263-273.
- Girard R. Job the Victim of His People / Y. Freccero (trans.). Stanford: Stanford University Press, 1987.
- Girard R. The One by Whom Scandal Comes / M. B. DeBevoise (trans.). East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2014.
- Girard R. When These Things Begin: Conversations with Michel Treguer / T. C. Merrill (trans.). East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2014.
- Girard R., Antonello P., de Castro Rocha J. C. Evolution and Conversion: Dialogues on the Origins of Culture. L.: Continuum, 2007.
- Girard R., Bassoff B. Interview with René Girard // *Denver Quarterly*. Summer 1978. Vol. 13. № 2. P. 28-40.
- Girard R., Bertonneau T. The Logic of the Undecidable: An Interview with René Girard // *Paroles Gelées-UCLA French Studies*. 1987. Vol. 5. № 1. P. 1-24.
- Girard R., Tincq H. René Girard — Le Monde Interview. "What Is Occurring Today is Mimetic Rivalry on a Planetary Scale" // *Colloquium on Violence & Religion (COV&R)*. 06.11.2011. URL: https://www.uibk.ac.at/theol/cover/girard/le_monde_interview.html.
- McKenna A. Violence and Difference: Girard, Derrida, and Deconstruction. Chicago: University of Chicago Press, 2002.
- Pabst A. Democracy's Descent Into Demagogy: Prospects for Cultural Renewal in a Post-Truth Age // *ABC (Australia) Religion and Ethics*. 09.05.2018. URL: <https://www.abc.net.au/religion/democracys-descent-into-demagogy-prospects-for-cultural-renewal-/10094756>.

- Smee S. *The Art of Rivalry: Four Friendships, Betrayals, and Breakthroughs in Modern Art*. N.Y.: Random House, 2016.
- Vattimo G., Girard R. *Christianity, Truth, and Weakening Faith: A Dialogue* / P. Antonello (ed.), W. McCuaig (trans.). N.Y.: Columbia University Press, 2010.
- Vattimo G., Zabala S. *Hermeneutic Communism: From Heidegger to Marx*. N.Y.: Columbia University Press, 2011.
- Williams R. *Being Disciples: Essentials of the Christian Life*. L.: SPCK, 2016.

RENÉ GIRARD, THE NIHILISM OF POST-TRUTH,
AND THE ESCALATION OF VIOLENT UNDIFFERENTIATION

SCOTT COWDELL. Charles Sturt University, Canberra, Australia,
scowdell@csu.edu.au

Keywords: René Girard; modernity; post-truth; relativism; undifferentiation; Apocalypse; escalation to extremes.

Today's cluster of geopolitical threats are helpfully addressed by the mimetic theory of René Girard. He accounts for human order and stability in light of cathartic violence preserved in socio-religious form, enabling the peaceful management of desire and the restraint of violent disorder. The challenge to this mechanism represented by Judeo-Christian revelation offers a nonviolent alternative vision but also brings the threat of instability, which has returned in modern times — an insight that Girard identifies in Friedrich Nietzsche, Fyodor Dostoyevsky, and Carl von Clausewitz. In phenomena such as fake news and political populism, the culture wars in which Western self-aggrandisement is matched by its cultural self-laceration, the climate crisis, and the potential escalation to extremes of modern military conflict, the pathologies of mimetic desire threaten humanity with apocalyptic consequences.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-3-123-144

References

- Alison J. *Raising Abel: The Recovery of the Eschatological Imagination*, 2nd ed., London, SPCK, 2010.
- Anderson K. *Fantasyland: How America Went Haywire: A 500-Year History*, New York, Random House, 2017.
- Brown A. Narcissism, Identity, and Legitimacy. *Academy of Management Review*, 1997, vol. 22, no. 3, pp. 643–686.
- Bubbio P.D. *Intellectual Sacrifice and Other Mimetic Paradoxes*, East Lansing, MI, Michigan State University Press, 2018.
- Cavell S. *Disowning Knowledge in Six Plays of Shakespeare*, Cambridge, Cambridge University Press, 1987.
- Cowdell S. *René Girard and Secular Modernity*, Notre Dame, IN, University of Notre Dame Press, 2013.
- Everett B. Gratitude, From Six Poems. *London Review of Books*, May 4, 2017, vol. 39, no. 9, p. 36.
- Farneti R. *Mimetic Politics: Dyadic Patterns in Global Politics*, East Lansing, MI, Michigan State University Press, 2015.
- Gardner S. Modernity as Revelation. René Girard's Imagination of the Worst. *Journal of Religion and Violence*, 2013, vol. 1, no. 2, pp. 234–254.
- Gardner S. *Myths of Freedom: Equality, Modern Thought, and Philosophical Radicalism*, Westport, CT, Greenwood Press, 1998.
- Girard R. Bastards and the Antihero in Sartre. *Mimesis and Theory: Essays on Literature and Criticism, 1953–2005*, Stanford, Stanford University Press, 2008, pp. 134–159.
- Girard R. Conversion in Literature and Christianity. *Mimesis and Theory: Essays on Literature and Criticism, 1953–2005*, Stanford, Stanford University Press, 2008, pp. 263–273.

- Girard R. Dostoevskii: ot dvoïnika k edinstvu [Dostoïevski: du double à l'unité]. *Kritika iz podpol'ia* [Critique dans un souterrain], Moscow, NLO, 2012, pp. 42–133.
- Girard R. *Ia vizhu Satanu, padaiushchego, kak molniia* [Je vois Satan tomber comme l'éclair], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2015.
- Girard R. *Job the Victim of His People*, Stanford, Stanford University Press, 1987.
- Girard R. *Lozh' romantizma i pravda romana* [Mensonge romantique et vérité romanesque], Moscow, NLO, 2019.
- Girard R. *Teatr Zavisti. Uil'iam Shekspir* [Shakespeare: les feux de l'envie], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2021.
- Girard R. *The One by Whom Scandal Comes*, East Lansing, MI, Michigan State University Press, 2014.
- Girard R. *Veshchi, sokrytye ot sozdaniia mira* [Des choses cachées depuis la fondation du monde], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2016.
- Girard R. *When These Things Begin: Conversations with Michel Tregueur*, East Lansing, MI, Michigan State University Press, 2014.
- Girard R. *Zavershit' Klauzevitsa. Besedy s Benua Shantrom* [Achever Clausewitz: entretiens avec Benoît Chantre], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2019.
- Girard R., Antonello P., de Castro Rocha J.C. *Evolution and Conversion: Dialogues on the Origins of Culture*, London, Continuum, 2007.
- Girard R., Bassoff B. Interview with René Girard. *Denver Quarterly*, summer 1978, vol. 13, no. 2, pp. 28–40.
- Girard R., Bertonneau T. The Logic of the Undecidable: An Interview with René Girard. *Paroles Gelées-UCLA French Studies*, 1987, vol. 5, no. 1, pp. 1–24.
- Girard R., Tincq H. René Girard — Le Monde Interview. “What Is Occurring Today is Mimetic Rivalry on a Planetary Scale”. *Colloquium on Violence & Religion (COV&R)*, November 6, 2011. Available at: https://www.uibk.ac.at/theolcover/girard/le_monde_interview.html.
- McKenna A. *Violence and Difference: Girard, Derrida, and Deconstruction*, Chicago, University of Chicago Press, 2002.
- Pabst A. Democracy's Descent Into Demagoguery: Prospects for Cultural Renewal in a Post-Truth Age. *ABC (Australia) Religion and Ethics*, May 9, 2018. Available at: <https://www.abc.net.au/religion/democracys-descent-into-demagoguery-prospects-for-cultural-renewal-/10094756>.
- Smee S. *The Art of Rivalry: Four Friendships, Betrayals, and Breakthroughs in Modern Art*, New York, Random House, 2016.
- Vattimo G., Girard R. *Christianity, Truth, and Weakening Faith: A Dialogue* (ed. P. Antonello, trans. W. McCuaig), New York, Columbia University Press, 2010.
- Vattimo G., Zabala S. *Hermeneutic Communism: From Heidegger to Marx*, New York, Columbia University Press, 2011.
- Williams R. *Being Disciples: Essentials of the Christian Life*, London, SPCK, 2016.